

Сказание Туана мак Карила

Глава первая

Финниан, настоятель монастыря в Мовилле¹, отправился на юг и восток в великой спешке. В Донеголе настигли его вести, что остались еще в его краях люди, верившие в богов, каких сам он не одобрял, а с богами, которых мы не одобряем, даже праведники обращаются бесцеремонно.

Ему донесли о высокородном человеке, что не соблюдал ни дни святых, ни воскресенья.

— Могучий человек! — отозвался Финниан.

— Вот как есть могучий, — ответили ему.

— Испытаем-ка его мощь, — постановил Финниан.

— Толкуют про него, что он мудр и отважен, — прибавил осведомитель.

— Испытаем-ка мудрость его и отвагу.

— Он... — зашептал наушник, — ...он — чародей.

— Я ему покажу чародейство! — гневно воскликнул Финниан. — Где живет этот человек?

Ему сообщили где, и Финниан немедля туда отправился.

Долго ли, коротко ли, пришел Финниан к твердыне того высокородного, что следовал древним обычаям, и потребовал, чтоб пустили его и позволили проповедать и укрепить нового Бога — и исторгнуть, устрашить да изгнать самую память о старом, ибо Время к престарелому богу столь же немилосердно, как и к престарелому побирушке.

Но высокородный ольстерец отказал впускать Финниана. Заперся в доме, захлопнул все ставни, угрюмо негодуя да не смиряясь, продолжил держаться обычаев, каким десять тысяч лет, и не пожелал внимать ни призывам Финниана за окном, ни стуку Времени в дверь.

И все же из двух этих недругов он укрепился против первого.

Страшил его Финниан — дурное знамение, настоящая жуть, — а вот Время ему не указ. Еще бы: высокородный тот был сводный брат Времени и к суровому этому богу относился с таким презрением, что и не презирал его даже: косу его перепрыгивал, увертывался от нее; Время же смеется, лишь когда берется за Тўана, сына Кáрила, сына Муредаха Красношеего².

Глава вторая

Финниан же терпеть не мог, когда кто-нибудь противится Слову Божьему — или самому Финниану, и потому

он вознамерился одолеть твердыню — мирными, но мощными способами. Принялся поститься на пороге у хозяина — с тою целью, чтоб пустили в дом, ибо самая мысль, что странник у дверей того и гляди преставится с голодухи, гостеприимному сердцу несносна³. Однако высокородный без борьбы не сдался: он думал, что Финниан, как следует проголодавшись, снимет осаду и уберется куда-нибудь, чтобы добыть себе еду. Но плохо же он знал Финниана. Великий настоятель уселся у самой двери и изготовился ко всему, что воспоследует. Вперил взгляд в землю между стоп своих и погрузился в созерцание, из какого восстал бы либо с приглашением в дом, либо со смертью.

Первый день прошел тихо.

Высокородный хозяин то и дело подсылал слугу поглядеть, по-прежнему ли сидит предатель богов на пороге, и всякий раз слуга докладывал, что сидит.

— К утру уберется, — с надеждой приговаривал хозяин.

Назавтра осада продолжилась, и много раз в тот день отправляли слуг поглядеть в глазок.

— Идите, — наказывал хозяин, — и выясните, не унес ли ноги этот поклонник новых богов.

Но слуги возвращались и доносили одно и то же.

— Новый друид все там же, — говорили они.

В тот день никому не удалось покинуть твердыню. Взаперти слуги терзались, а раз все труды прекратились, челядь сбилась в стайки, шепталась, судачила

и спорила. Следом эти стайки рассыпались, чтобы поглядеть в глазок на терпеливую недвижимую фигуру, сидевшую на пороге, что пребывала в созерцании, вне уз времени и тревог. Зрелище это пугало слуг, и кто-то из женщин разок-другой завопил исступленно, и уволокла ее подруга, прикрыв ей рот рукой, чтобы не оскорблять слух хозяина.

— У него свои беды, — порешили слуги. — Тут вершится битва богов, так-то.

Женщины — с ними ничего не поделаешь, но и мужчины места себе не находили. Бродили туда-сюда, от глазка в кухню, из кухни на крышу с башенками. С верхотуры глядели вниз на неподвижную фигуру да судили-рядили о том и этом, в том числе — и о стойкости человека, о свойствах природы хозяина, и даже о том, что, быть может, новые боги не слабее старых. Поглядев да посудачив, возвращались они в тоске и унынии.

— Запустить бы, — сказал один раздражительный страж, — копьё в этого настойчивого странника — или иззубренный камень из пращи!

— Что?! — яростно вскричал хозяин. — Копьё в безоружного странника? Из этого дома? — И с этими словами звонко стукнул невоспитанного слугу. — Угломнитесь все, — продолжил он, — ибо у голода имеется плеть, и ночью прогонит он странника.

Челядь улеглась в убогие свои постели, но хозяин дома глаз не сомкнул. Всю ночь расхаживал он по залам, частенько подбирался к глазку — поглядеть, все

там же ли тень в сумраке, — и вышагивал дальше, смятенный, встревоженный, и даже от носа любимого пса отмахивался, когда тот любовно тыкался ему в ладонь.

Наутро хозяин сдался.

Могучая дверь распахнулась, и двое его слуг внесли Финниана в дом, ибо по причине голода и холода, каким подвергся святой, он более не способен был ни идти, ни стоять прямо. Но костяк его был так же крепок, как нестигаемый дух, обитавший внутри, и вскоре Финниан уже был готов ко всему, что могло проистечь из спора или анафемы.

Вновь обретши силы, он приступил к беседе с хозяином дома, и об осаде, какую он применил к этому великому любомудру, еще долго толковали те, кому такое интересно.

Финниан укротил недуг Мугань⁴, взял верх и над своим учеником, великим Колумом Килле⁵, одолеет и Туана: в точности так же, как открыл Туан дверь настойчивому страннику, так же и сердце свое открыл, и Финниан шагнул туда — выполнить и Божью волю, и свою собственную.

Глава третья

Как-то раз беседовали они о величии Бога и о любви Его, ибо, пусть Туан и получил уже обильные наставления, ему нужно было больше, и осаждал он Финниана так же неумолимо, как прежде сам Финниан — его.